

ИССЛЕДОВАНИЯ

И. А. Голосенко

ФЕНОМЕН «РУССКОЙ ВЗЯТКИ»: ОЧЕРК ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ЧИНОВНИЧЕСТВА

«Бери, большой тут нет науки;
Бери, что можно только взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать».
В. Капнист. «Ябеда» (1796 г.)

Словечко «чиновник» существовало в русском языке с незапамятных времен, но долгое время означало не человека, а книгу, по которой отправлялись церковные службы. Светское использование старого и производного от него нового термина — «чиновничество», которые стали применяться для называния как отдельных администраторов, так и «вообще всей гражданскослужашей корпорации», как справедливо отмечал один из самых глубоких историков русского чиновничества Е. Карнович, привилось у нас только в начале XIX в. [1, № 1, с. 3]. Но уже к концу того же века появилась и бурно развивалась социология чиновничества. До революции 1917 г. новая наука прошла два этапа развития с разными умственными лидерами, исследовательскими сюжетами и методологическими подходами. Первый этап охватил два заключительных десятилетия XIX в., его представители (В. Евреинов, Н. Коркунов, В. Ключевский, А. Градовский, К. Кавелин, Е. Карнович, Б. Чичерин и другие) в духе генетической и исторической социологии сравнивали структуру и функционирование административного аппарата России за последние триста лет; взаимодействие тенденций централизации и разных видов самоуправления — дворянского, купеческого, крестьянского и земского; противостояние двух систем управления так называемого «федеративного» или «островного» (губернаторство) и «линейного» (министерства). Второй этап, продолжавшийся два первых десятилетия XX в. и получивший сильный стимул в период парламентской фазы нашей истории, привлек в свои ряды новую волну исследователей (М. Ольшевский, Б. Бразоленко, М. Александров, В. Ивановский, В. Мачинский, Н. Рубакин, М. Батыров, П. Берлин), которые стали с помощью статистики и анкет изучать по разным индикаторам (доходы, образование, служебная мобильность, статусы, интересы) стратификацию чиновничества как профессиональной группы, антагонизмы внутри нее, ресурсы пополнения, связи с классово-сословной структурой русского общества, особенности социальной психологии и т.п. Однако была и об-

Голосенко Игорь Анатольевич (р. 1938) — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН (Санкт-Петербург).
Адрес: 198052, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.
Тел.: (812) 316-3270, факс: (812) 316-2929. E-mail: inso@ego.spb.su

щая тема для обеих этапов, а именно — изучение мздоимства, взятки, ее социокультурных, в частности национальных, особенностей. Прежде всего наши исследователи, опираясь на обширные исторические источники, убедились в том, что подкуп административного лица есть прочная традиция российского государственного быта, по крайней мере, несколько последних столетий. Формы взятки менялись — брали съестным, мехами, крепостными, деньгами, услугами, но суть ее как формы злоупотребления властью, как служебного преступления сохранялась. Упорная воспроизводимость подобного деяния нашла отражение в языке (известны некоторые народные эквиваленты термина, широко ходившие в обиходе: «оказать почесть», «проявить уважение», «мзда», «корм», «добыча», «подарок», «детिशкам на молочишко», «вернуть долг», «любостязательность», «лихоимство», «сребролакомство»), кроме того взятка возбуждала воображение писателей и государственных мужей; так родились: «богопротивное лакомство» (Петр Великий), «произвольное самовознаграждение» (С. Уваров), «служебные сладости» (М. Салтыков-Щедрин) и т.п.

Помимо описания огромного распространения взяточничества и пульсации его от века к веку, от десятилетия к десятилетию наши исследователи попытались объяснить это явление и выяснить коренные причины его непобедимости. Если отбросить всякого рода метафизические «теории» («так уж устроен человек», «креста на них нет», «рыба гниет с головы», «власть портит», «бога забыли» и т.п.) и иметь дело с верифицируемыми, реалистическими объяснениями, то обнаруживаются два их типа. Рассмотрим, каждый из них подробнее, помня, что некоторые из старинных объяснений не потеряли своей гносеологической достоверности до сих пор.

I. Первый тип объяснения феномена «русской коррупции, в частности — взятки» имел дело с причинами, лежащими довольно близко к поверхности общественной жизни и потому фиксировавшихся не только учеными, но и в фельетонах массовой печати, официальных правительственных документах и т.п. Любопытно, что и современные исследователи вопроса чаще всего ограничиваются именно этим типом [2]. В логическом отношении он сводился к отдельному или совокупному перечислению и изучению ряда факторов — материальной необеспеченности чиновников, особенно нижних рангов, огромной территории империи и в этих условиях плохо управляемого социального контроля («гнет пространства», как говорили евразийцы), двойного отчуждения, с одной стороны, чина от чина и, с другой, всего мира чиновничества от общества. И в ответ — психологическая «месть» обществу: нарушение законности управления. Все указанные факторы были реальностью, но были ли они решающими?

I.1. Материальная нужда. Действительно, многочисленные исследования показали, что большая часть чиновников, занимавших нижние и отчасти средние стратификационные этажи своей группы, жила в состоянии нестабильной обеспеченности. В судебных процессах над взяточниками, последние в качестве самооправдания также указывали на это обстоятельство. В допетровской Руси вся местная власть — воеводы и их штат — казенного жалованья от московской власти не получала и лично устанавливала поборы на собственное содержание. Естественно, кто давал регулярно и обильно, получал от начальства искомое «снисхождение». Петр I признал этот институт «кормления» пагубным,

но назначенные им оклады чиновникам (даже губернаторам) выплачивал нерегулярно, в уменьшенном размере и т.п., что неизбежно гальванизировало систему «кормления» и подношения. Только при Екатерине II после пугачевского бунта, выявившего многие дисфункции управления, окончательно решается вопрос о постоянной (ежемесячной) и несколько увеличенной оплате труда чиновников. Но расхождения в размерах оплаты нижних, средних и высших этажей чиновничьей пирамиды, что само по себе вполне естественно, были в России постоянно фантастически огромными. Большое впечатление на русскую общественность произвело специальное исследование доходов чиновничества конца XIX в., проведенное Н. Рубакиным. Факты резкой дифференциации, им обнаруженные, конечно, имели историю долгих тенденций в предшествующее и в последующее время. По его подсчетам (он опирался на всеобщую перепись населения 1897 г. и ряд других официальных документов) критерий доходов резко стратифицировал наше чиновничество общим числом в 435818 чел.*, из них 91204, т.е. меньше одной четверти, получали содержание более 1000 рублей в год, оставшиеся три четверти, получали значительно меньше [3, № 4, с. 1–2]. Встречались, как их именовали в печати, настоящие «рабы государственной службы», получающие всего 7 рублей в месяц. Между тем на рубеже двух веков, с неизбежными колебаниями в ценах, фунт хлеба стоил 4 копейки, фунт говядины — 10, десяток яиц — 40, фунт сливочного масла — 75. Государственные чиновники получали «квартирные деньги» в размере 1/5 жалования, но, как показало исследование квартирного вопроса в среде чиновничества, проведенное Н. Бенедиктовым, этих добавок сплошь и рядом не хватало, рядовое чиновничество ютилось в гигиеническом отношении в малопригодных для жилья помещениях — сырых, темных, без удобств [4, с. 21–22]. Странные социальные противоречия и антагонизмы обнаруживались в вопросе об отпуске и пенсиях. Статья 765 «Устава о службе гражданской» говорила не о том, что оплачиваемый отпуск есть нормальное, неотъемлемое право каждого чиновника, а только о том, что закон «разрешает давать отпуск»... по усмотрению начальства. Так на основании «закона» создавалась почва для произвола и злоупотребления властью. И не приходится удивляться упоминавшимся в печати случаям, когда некоторые рядовые чиновники не получали отпуска многими годами, ибо не попадали в разряд «любимчиков» начальства. Российское чиновничество, отмечал один из исследователей этого вопроса, в свете закона 765 выступало «живым инвентарем, проданным казне», и могло только завидовать чернорабочим, попавшим под действие системы Ф. Тейлора, который «по крайней мере понимал значение отдыха рабочего для продуктивности его труда» [5, с. 11–13].

Пенсия традиционно считалась одной из социальных привилегий чиновничества. Но и тут торжествовала несправедливость. Если оклады чиновников медленно росли из-за постоянного удорожания жизни в течение всей послереформенной эпохи, то «пенсии окаменели» в своей первоначальной форме, в какую они вылились более пятидесяти лет тому назад, признавался в 1911 г. один из чиновников. Пенсионное обеспечение подчинялось закону 1827 г., кото-

*По статистике 1890 г. в США управленческий аппарат был чуть ли не в два раза больше — 743367 человек. Поэтому прав Р. Пайпс, утверждавший, что царской России не хватало управленцев катастрофически (см. его книгу «Россия при старом режиме». М., 1993. С. 367).

рый постепенно оброс многочисленным рядом «поправок, изъятий, руководящих указаний и т.п.». В результате дело пенсионного обеспечения «совершенно дезорганизовалось и здесь стал царствовать широчайший произвол» в виде системы благосклонного рассмотрения вопроса о размерах пенсии вначале ближайшего, а потом и отдаленного начальства, т.е. мнения руководства, а не закон, решали вопрос о пенсионном обеспечении. «Размер пенсий, в силу отсутствия определенных законом норм, принял характер неуловимых, произвольных традиций» [6, с. 8; 7, 12–18]. Но социальный смысл этого произвола улавливается легко. Более 400 000 чиновников в десятые годы XX в. получали менее 1000 рублей в год, 65 000 — более 2000 рублей. Последние, выйдя в отставку, получали значительную долю пенсионного капитала, выделяемого в государственном бюджете. Между тем, именно среда высшей бюрократии была наиболее обеспечена на случай старости, ведь их высокие служебные оклады давали для этого самые основательные возможности.

В условиях материальной необеспеченности разной количественной степени и продолжительности наше чиновничество, полагали многие исследователи, относительно легко выводилось на дорогу злоупотребления служебным положением, на служебные преступления — взяточничество. Разумеется, корреляция между этими явлениями была, но встают кое-какие обоснованные вопросы. Рядовое русское чиновничество получало значительно меньше содержания, чем их зарубежные коллеги, но взяточничество — международное явление. Почему и те брали? Далее, брали ли взятки только нуждающиеся «плебеи» чиновничьего мира? Или и состоятельные «патриции» были не прочь полакомиться «служебными сладостями»? Если да, то, вероятно, не только материальная нужда постоянно подпитывала феномен взяточничества в России. Возьмем из множества иллюстраций отечественной истории только одну — служебную судьбу «птенцов гнезда Петрова». В конце своей жизни Петр I на этой почве разочаровался во многих своих высочайших помощниках. «Гагарин был казнен, Нестеров казнен, Курбатов умер перед судом, Шефиров едва избег смертной казни, Меншиков держался только благодаря заступничеству императрицы» [8, с. 471]. Фактами коррупции, казнокрадства и взяточничества перенасыщены все последующие царствования вплоть до последнего императора. Итак, взяточничество прочно оставалось негласной статьёй доходов чиновников всех рангов от рядового до сановного, взгляд на должность как на «пожалование для личного обогащения продолжал жить» с прочностью многовекового обычая [9, с. 15]. Менялось со временем «убранство» канцелярий, покррой мундиров чиновников, техника делопроизводства, но не эта ценностная ориентация. Это означает, что социо-исторические причины взяточничества (при всей весомой роли для нее материальной необеспеченности ряда слоев чиновничества) не составляли единственную и, тем более, решающую причину явления. Сенатские ревизии 1910—1913 гг., которые закончились шумными судебными процессами, показали, что у чиновничества (особенно высшего) существовали «неофициальные, аферистические, уголовно наказуемые источники доходов, которых нет в распоряжении других общественных групп и размеры этих доходов были отнюдь не незначительные» [3, № 4, с. 4].

1.2. Территориальный фактор: дефекты социального контроля при бюрократическом централизме и неравномерное насыщение чиновниками различных

регионов империи. Рубакин, изучая количественное распределение гражданских чиновников по всей Российской империи (у него не было данных только по Финляндии) пришел к ряду выводов: в целом по всей империи в начале XX в. один чиновник приходился на 150 жителей в возрасте от 16 до 69 лет, но были сильные региональные вариации, так в Польше один чиновник приходился на 87,4 чел., в Европейской России на 143,5, а на Кавказе на 312,2. В самой западной территории — Польше чиновников было в 4 раза больше, чем в Европейской России, почти в 9 раз больше, чем в Средней Азии и почти в 20 раз больше, чем в Сибири [10, с. 121–122]. Но уменьшение числа чиновников по вектору «Запад — Восток» означало не увеличение самоуправления и самодеятельности населения в восточных регионах, а увеличение размеров всевластия и произвола уменьшающегося контингента чиновников. Чем меньше самоуправления, тем больше самоуправства! Еще А. Герцен обратил на это внимание: чем дальше от центра — тем больше произвола, меньше ответственности перед управляемыми вплоть до ее полнейшего отсутствия.

При тотальном централизме, идеология которого составляла политический идеал царского режима, контроль за деятельностью административного аппарата осуществляется только сверху и эпизодически, его орудия сконцентрированы в столице, потому с удалением от нее произвол и злоупотребления властью автоматически возрастали. Огромная территория империи только способствовала слабости и даже исчезновению контроля. Изучая под этим углом зрения нашу многоликую губернскую жизнь, И. Блинов отмечал, что длинным шлейфом в ней тянулась «медлительность, неисполнение распоряжений центрального правительства, лихоимство, прямое воровство и всевозможные злоупотребления» [11, с. 118]. Так, при проверке канцелярий Курской губернии в 1834 г. было обнаружено неразобранных бумаг — 280378, разобранных, но не исполненных — 59752, неоконченных дел 9413 [11, с. 161]. Не лучше обстояли дела и в других губерниях, и в последующее время. Представление о том, что этот административный беспорядок удел только провинции, а в центре все было под контролем — наивность. Психология коллективной безответственности обнаруживалась не только на географическом отдалении от центра управления, но и в нем самом, ибо бациллы нарушения порядка при бюрократическом централизме поражают центр неизбежно. Ревизии 1840–1841 гг. обнаружили сходную картину дисфункциональности в ряде столичных департаментов. В одном оказалось нерешенных дел до 600, в другом — 375, неисполненных указов более 1500. Да что там департаменты, даже Комитет министров позволял себе казаться бы неслыханные для абсолютизма вещи. Результаты одной из проверок оказались ошеломляющими: было обнаружено 65 неоконченных важнейших дел (одно из них 17-летней давности), 46 дел не рассмотренных вовремя уже не требовали дальнейшего производства за изменившимися обстоятельствами и самое главное — 20 высочайших повелений не выполнялись и даже не были донесены до сведения членов Комитета! Глубоко уязвленный Николай I был краток: «Неслыханный срам! Мне стыдно и прискорбно, что подобный беспорядок существовать мог почти под глазами моими...» [9, с. 135–141]. Ревизии проходили, а беспорядок оставался, ибо принимал форму организационной болезни наследственного характера, одной гранью его было бездействие власти, другой — злоупотребление ею, когда она приступала к действиям. Очевидным

административным дефектом, провоцирующим злоупотребления в течение всего XIX в. была запутанная и противоречивая система тотальной регламентации всех секторов общественной жизни*. Множество указов и постановлений, часто противоречащих друг другу и разбросанных по разным присутственным местам, создавали законодательную неразбериху, в которой обыватель ощущал себя беспомощным, а чиновник видел для себя кормушку [12, с. 65–66]. Издание единого «Свода законов Российской империи» не смогло уничтожить психологию корыстного самоуправства, злоупотребления властью уже вошли в плоть и кровь чиновничества, приумножились и просочились на все инстанции. Процесс «давать — брать» взятку был обоюдным и к нему привыкали обе стороны — чиновники и просители любых сословий: дворяне, купцы, мещане, крестьяне. Ненормальность, уродливость подобного способа управления переставали замечать, он становился повседневным, как бы естественным, само собою разумеющимся. Особенностью «русской взятки» было то, что ее перестали стыдиться, а если кто и возмущался, то его считали неисправимым «идеалистом». «Брали губернаторы, председатели гражданских и уголовных палат, брали в Сенате. Все это узаконилось, вошло в обычай и проситель никогда не приходил в присутственные места с пустыми руками» [9, с. 18].

Начиная с «увещательных» указов Петра I, взятка теряет легитимированный характер, как было при институте «кормления», и принимает нелегальный или полуполегалный вид, но не исчезает. Весь XVIII в. шла упорная и бесплодная борьба с взяточничеством, монархи издавали новые указы и манифесты. Сенат проводил ревизии по всей гигантской стране, мздоимцев (иногда очень сановных) «нещадно» били кнутами и батогами, рвали им ноздри, клеймили, ссылали с конфискацией всего имущества. А взяточничество и казнокрадство становились повальными. Александр I с горечью признавался своему воспитателю, швейцарцу по рождению и республиканцу по убеждению Ф. Лагарну: «Непостижимо, что происходит, все грабят, почти не встретишь честного человека. Это ужасно!» [15, с. 28]. Подобные выразительные признания можно целыми пригоршнями черпать из русской истории. Начиная с Екатерины II русские государи один за другим признавались в бессилии победить повальное казнокрадство и другую сторону этой медали — взяточничество. Это только лишний раз свидетельствовало, что российское взяточничество может гордиться не менее длинной родословной, чем отечественное дворянство. «Через всю русскую историю, — писал один из самых серьезных исследователей отечественного взяточничества П. Берлин, — лишь сменяя свою форму, лишь увеличивая и уменьшая свои размеры, тянется колоссальное взяточничество и взяткою широко пользуются как отмычкой казенных сундуков, крышки которых гостеприимно раскрываются перед людьми, сумевшими в соответствующий момент дать соответствующему человеку соответствующую взятку» [14, с. 45–46].

А что же ревизии из центра? Смогли они что-либо сделать с этим общенародным обычаем? Ревизия, конечно, была нужной акцией управления, но чаще

*Дело доходило до абсурда с нынешней точки зрения. Так, в «Своде законов Российской империи» излагалось, как надо «на законном основании» сушить кирпичи, гнуть железо, молоть хлеб, разводить огородные культуры и т. п. вплоть до мелочных предписаний дворникам убирать золу из печей «прежде их топки». В условиях маниакальной правительственной опеки частному почину, инициативе «не было никакого простора» [1, № 11, с. 4].

всего она в условиях централизма была малоэффективной. С ужасающим однообразием, по мнению многих исследователей, повторялась одна и та же картина: в печати поднимается временный шум, провинившееся начальство немного трепещет, а затем ревизоры уезжают, все остается по-старому. Впрочем, случается иногда перевод этого начальства в другое место на такую же должность. «Делается это, как видно, — иронизировал один из авторов, — с целью справедливого территориального распределения самодурствующих администраторов» и взяточников [13, с. 2]. Но даже когда после ревизии беззаконники наказаны, происходит это в ограниченном районе, остальная гора ненормальностей, разбросанных по огромной территории, не затрагивается нисколько. Таким образом, и территориальный фактор при всей его важности не был решающим. На обширных просторах империи отражались (часто провинциально шаржированно) те же недостатки управления, которые имели место и в центре.

1.3. Человеческий фактор взяточничества, отчуждение и нравственное несоответствие занимаемой должности. В умной докладной записке «О прошлом и настоящем русской администрации», написанной Э. Берендсом в 1904 г. министру внутренних дел В. К. Плеве, указывалось, что отечественную историю сопровождает одно огорчительное обстоятельство: какое-то незатухающее недовольство государственной властью, постоянные нарекания в адрес чиновничества в виду отсутствия честности и должной законности в ее деятельности [16, с. 5–6]. Даже в самом слове «чиновник», признавался один наблюдатель общественных нравов той поры, есть что-то специфическое и произносится оно «с едва уловимым оттенком в голосе — не то ироничным, не то пренебрежительным» [17, с. 14]. И действительно, в русской речи в адрес чиновников сложилась гора обозначений явно негативного толка: «канцелярская крыса», «чинодрал», «приказная строка», «крапивное семя», «окурки», люди типа — «чего изволите» или «нос по ветру», «чернильные души», вероятно, от последнего была рождена А. Герценом метафора — «чернильное дворянство», а К. Рылеев отзывался о чиновниках особенно резко — «лютое отродье».

Вокруг фигуры чиновника складывался какой-то заколдованный круг отчуждения: вне стен канцелярии мелких и средних чиновников третирует «общество», в самой же канцелярии они терпят бесконечное унижение от начальства, для которого подчиненные — «бездушные вещи». Вот только одна иллюстрация из безбрежного океана подобных случаев. В 1914 г. один из крупных железнодорожных начальников принял решение «омолодить» подчиненный ему состав служащих. Секрет «омоложения кадров» был прост: было приказано бороды начисто обрить, а седые волосы выкрасить в «молодые цвета». Покорные воли начальства подчиненные сразу «помолодели»... к удовольствию парикмахеров и торговцев краской. А непокорные, вне зависимости от их профессиональной компетентности и опыта, были наказаны, вплоть до понижения по службе и, следовательно, уменьшения окладов. «Каких только злостных нечестностей не рождает наше нравственное ничтожество», заключал автор заметки, в которой этот случай был описан [18, с. 28–29].

Отсутствие правовой защиты и профсоюзной поддержки, материальная небеспеченность большинства мелких чиновников и полнейшая зависимость в этой области от усмотрения и милости начальства заставляли их чувствовать себя в крайне угнетенном положении. Многочисленное рядовое чиновничество

убеждалось, что стоит на положении пролетариев, лишь «декоративно от них отличаясь». В опросах и письмах в редакции разных журналов эти чиновники аттестовывали самих себя словами — «рабы», «плебеи», «парии», «пасынки России» и т.п. Даже на инициативу, полезную для дела, накладывалось начальственное «вето» и чиновничество воспитывалось на единственном императиве — «не рассуждать». Психологическое уродство подобной атмосферы имело продолжение, как саркастически подметил еще Ф. Достоевский: каждая «ничтожность» на канцелярском стуле смотрит на просителя Юпитером, испытывая наслаждение от страдания людей, попавших под «нелепость буквы» закона. Каждому беспристрастному наблюдателю, писал А. Гардин, специально обдумавший эту психологическую компенсаторную метаморфозу, бросается в глаза большое высокомерие, которым проникнут каждый даже маленький чиновник по отношению к скромному обывателю, случаем приведенному в ту или иную канцелярию, он ему кажется каким-то низшим существом. Чиновник копировал обращение своего собственного начальства и «чем круче приходилось ему самому, тем сильнее возмещает он оскорбление своего достоинства на обывателе», унижая его самого и не подозревая об этом — самого себя [19, с. 5].

Но и между собой у чиновников практиковались отстраненные отношения, духа подлинного товарищества было прискорбно мало в любых канцеляриях и кабинетах власти. Почему же отчуждение находило место и здесь? Многие отмечали: из-за постоянной боязни доноса и «третьего пункта» (статья 788 «Устава о службе гражданской»), по которому любой чиновник мог быть уволенным собственным начальством без объяснения причин отставки, пострадавший получал «волчий билет» и лишался прав на пенсию*. Уволенный не имел права жаловаться, обращаться ни в суд, ни в сенат, ни тем более в императорскую канцелярию, где его жалобы просто не принимались бы к рассмотрению. Неоднократно различные правительственные комиссии, а позднее думские фракции ставили вопрос об отмене «третьего пункта», как противоречащего современному правосознанию, но безрезультатно. «Узаконенный произвол», легший в основу служебного права чиновничества, упорно сохранялся до Февральской революции. Составляющие подавляющую часть всего служивого сословия чиновники скромного достатка и низких рангов и особенно молодые так боялись сокращения, что из всех радостей повседневной жизни оставляли себе только карты и выпивку, т.е. занятия, которые не могли казаться начальству неблагонамеренными. Многие, как показали опросы, проведенные редакцией журнала «Спутник Чиновника» в 1912–1913 гг., ненавидели свою службу и, одновременно, боялись потерять ее, презирали своих начальников и, одновременно, подхалимствовали перед ними. Что и говорить — на службе складывалась психологическая атмосфера скверного качества, которая нравственно сильно деформировала психологию людей, если учесть ее продолжительность. Отсюда искаженные и неразвитые интересы и потребности, моральная нечистоплотность, апатия к полноценной общественной жизни, психология одиночества у чиновников, которых целенаправленно отделяли от общественных интересов и

* Кроме «третьего» был еще не менее скандальный «второй» пункт, по которому ущемлялись права чиновников женского пола, включая запреты на время службы на вступление в брак, заведение детей и т.п. «Почему девственность чиновниц так волнует начальство?», — недоумевали многочисленные критики этого вида бюрократического «полового подбора».

даже самых безобидных движений и модных культурных запросов. Иными словами психологическая почва для служебных преступлений — казнокрадства и взяточничества — была создана соответствующая. Один из исследователей этого момента отмечал: нет другой «общественной группы столь разрозненной и чуждой общественным инстинктам, как чиновничество в России» и добавил, что причиной сего состояния является формальная враждебность друг к другу, которая искусственно прививалась путем введения «бесконечного количества рангов и чинов, ставящих одного от другого в зависимость и подчинение». Иерархия чинов предполагала конгломерат отдельных, механически связанных личностей, чуждающихся и боящихся солидарности [20, с. 1–4]. Рутинная служба, рутинная досуга, замкнутый круг нужды или очень скромного достатка, психология отчуждения в межличностных отношениях, парализующий страх попадания под «третий пункт». Все это приводило к частым психическим расстройствам и «эпидемиям самоубийств» среди чиновников. Редкий номер «Спутника Чиновника», представляющего собою энциклопедию жизни рядового чиновничества, обходился без сообщений о самоубийстве столичных и провинциальных чиновников. Среди самих чиновников шла борьба из-за маленькой добавки к окладу, из-за крошечной власти. Конкуренция часто парализовала любое проявление солидарности. Товарные отношения между чинами считались явлением опасным, «по-видимому, рознь и борьба между чиновниками, иронизировал автор статьи "Очерки психологии чиновничества", считается необходимой принадлежностью государственного управления» [21, с. 23–25].

Так неужели все сословие чиновников повально было заражено «безнравственными и антиобщественными инстинктами»? Конечно, нет, из отечественной истории известны достойные и честные администраторы, но общим является то, что собственная чиновничья среда чаще всего выдавливала их из самой себя, чувствуя их «чуждость». Ограничусь только одним показательным примером. Опытный губернатор с многолетним стажем П. П. Шидловский, уйдя в 1913 г. в отставку, так объяснял корреспонденту, берущему у него интервью свой шаг: «Уход со службы явился результатом невозможности... честно и плодотворно работать в провинции... Только хвастовство в реакционности и поддержка сторонних лиц, подчас сомнительной репутации, являются ныне гарантией... от мелких и больших неприятностей по службе». Он подал в отставку, другие, попав в его ситуацию, «ограничиваются лишь молчанием и покачиванием головы» [22, с. 26–28].

Вообще у любой власти, как и у всех социокультурных явлений, есть пределы, но какие именно подчас неясно, вопрос о пределах так же иррационален, как и происхождение власти. Отсюда неизбежное переступание через них, т.е. злоупотребление властью. Вероятно, без оного власть вообще не может существовать. Различие только в том, о какой власти идет речь: власти в кружке друзей, семейной, производственной, политической, государственной среде. В разных случаях будут вариации пределов преступления. Но что касается государственной власти, то история свидетельствует: злоупотребление — это топливо бюрократической машины, неистребимая черта государственной власти, без них нет и ее самой. Злоупотребления имеют множество форм и различные размеры, но они всегда есть. Государственная власть как высшая форма общественной власти особенно отличается в этом отношении и дает львиную долю

служебных преступлений, в том числе и взятки. Вообще о взятках так много писали ученые и журналисты, что складывается впечатление — чиновники в учреждениях ничего не делают, а только как пчелы с цветов берут «взятки». Это конечно далеко не так, но взяточничество и соответствующая ей социальная психология составляют важные пункты поведения и самочувствия российского (да и не только его) чиновничества.

II. Второй тип объяснения феномена «русской взятки» обратил внимание на связи нашего административного быта с политикой, экономикой и культурой, которые отливались в форму исторических традиций. Перечисленные в первом типе объяснения взяточничества причины — нужда, «гнет территории» и человеческий фактор, конечно, имели место, но они накладывались на более глубинные обстоятельства нашей национальной жизни. Выяснилась парадоксальная роль взятки, выступающей как «мандат» на политическую лояльность и как «локомотив» социальных и прежде всего экономических нововведений. Рассмотрим аргументацию наших социологов по каждому из указанных моментов.

II.1. Взятка и лояльность по отношению к политическому режиму. Подлинное объяснение непотопляемости российского взяточничества, считал П. Берлин, надо искать в том, что оно у нас «неразрывно слилось и срослось со всем строем и укладом политической жизни» [14, с. 48]. Привлекая современный научный язык, скажем: взяточничество — латентная функция политической власти, ее устройства и функционирования. Оно существует как способность своеобразной дани административным лицам, имеющим общественную и особенно политическую власть за предоставляемые ими льготы, «послабления», уступки, казенные подряды и заказы, субсидии и гарантии тем, кто их за это «отблагодарит», причем дело не в конкретных лицах (хотя и это важно), а в структурной взаимосвязи властеотношений в целом. Жаждавшие перечисленных услуг толкались на пути искания политических связей, а это требовало откровенного политического прислужничества либо денежного эквивалента тем, кто по своему служебному положению мог оказать посильную помощь. «Благодаря этому у этих лиц, крикливо и назойливо успевших проявить свою политическую благопристойность, складывалось твердое убеждение, что этим самым они имеют право на материальное вознаграждение в том или ином виде» [14, с. 52]. В итоге — поразительная картина. В то время как на всем протяжении XVIII и XIX вв., и в начале XX в. правительство «одной рукой энергично и бесплодно искореняло взяточничество, оно другою рукою столь же энергично, но уже и вполне успешно насадило условия, по необходимости рождающие новое поколение взяточников» [14, с. 48].

Петр I, упорно насаждавший «коммерческую честность», нещадно бивший батогами взяточников и проворовавшихся поставщиков, сам в свое время практиковал обесценивание монет, наживая на операции 150% прибыли. Все русское общество развращалось мыслью — политической властью можно пользоваться для незаконного обогащения, а политическое угодничество — верный путь к богатству. По данным А. Васильчикова, в течение XVIII в. высочайшими пожалованиями розданы в награду частным лицам, угодным двору, 1 304 000 душ [23, с. 452]! Сложилась практика бездумной раздачи несметных богатств из казны фаворитам и немедленное отбирание их, когда вчерашние любимцы впадали в немилость. Ощущение временщика воспитывало установку — «хапать

сейчас и максимально», «вошел во власть — можешь к казенному сундуку припасть». Этим путем в элитах общества «воспитывалась привычка достигать богатства не путем энергии, находчивости и труда, а извилистою тропею лести, прислужничества и политического молчалинства... И русское правительство в политических целях всячески поощряло развитие подобной психологии» [14, с. 49]. Вот почему история наших частных больших состояний, как показало исследование Е. Карновича, чрезвычайно разнится от истории таких же богатств в государствах Западной Европы, не говоря уж об Америке [24]. Возможность получить огромные состояния путем «слезных прошений», «припадания к стопам» и верноподданнического угодничества заставляли «выпячивать свою политическую благонадежность, проявлять свое подхалимство возможно более аляповато, крикливо, назойливо» [14, с. 51]. Будучи же отмеченными вниманием власти, они считали, что пришел их час, когда они как частица той же власти могут не стесняться обогащать себя за счет казны. В своем «Дневнике», охватывающим 1873–1899 гг., бывший крупнейший чиновник, военный министр Д. Милютин с негодованием вспоминал факты неприкрытого хищничества, причем чем выше и ближе к династии, тем безнаказаннее протекало паразитическое поедание казенного пирога. Вот один великий князь захотел утащить для себя завод у казны (и утащил), другой захотел получить несколько миллионов золотом «для заграничных расходов» (и получил, несмотря на героическое сопротивление тому министра финансов Рейтерна), вот сестра любовницы Александра II княгиня Долгорукова начала незаконную продажу казенных концессий на железные дороги, а вот и сам император нервно разрыдался узнав, что один из молодых великих князей подворовывал вещи из кабинета императрицы, но через два месяца просит Милютину вернуть оступившего лоботряса «как-нибудь на службу» [25, т. 1, с. 157, 212; т. 2, с. 152].

За тонким слоем высших сановников, близких к трону, лежал более широкий слой дворян и чиновников*, которым уже физически недоступно было непосредственное «припадание к стопам» высшей власти, но глядя на пример «близких», обогащавшихся путем выпрашиваний и прислужничества, они в свою очередь наживались путем вымогательств и поборов зависящих от них лиц. «Так прочно закладывались психологические основы взяточничества и казнокрадства» [14, с. 51]. При этом оба упомянутых явления — родственные друг другу сорные травы. «Если мы остановим свое внимание на главном поле русского взяточничества, делал очень важное заключение П. Берлин, — то легко убедимся, что и люди, получавшие взятки, и люди, их дававшие, одновременно обогатели за один общий счет — казенный», вот почему оно расцветало у нас махровым цветом около казенных предприятий и учреждений, нанося ему колоссальные экономические потери, т. е. взяточничество не только нравственная, юридическая, но и экономическая проблема [14, с. 52].

Поэтому в нашей литературе в изобилии писали о взяточниках среди государственных служащих и очень скупое о взяточничестве в органах самоуправления — земстве и на частных предприятиях, где поощрялась частная инициа-

* Чиновничество оставалось важным источником пополнения дворянского сословия, как не без иронии заметил Н. Коркунов, это был «нормальный способ» [27, с. 275]. «Огромное большинство ныне существующих дворян, — писал Н. Рубакин в 1912 г., — бывшие чиновники или их потомки» [28, с. 59].

тива служащих, не было протекций и вклад служащего оценивался по себестоимости — это составляло предмет постоянной зависти честных госслужащих. В целом именно государственная власть была широкой ареной коррупции.

Неразрывная сплетенность показной политической благонадежности с лубочным патриотизмом составляла любопытную национальную черту процесса самовоспроизводства взяточничества. «Стремясь привязать к себе чиновничество крепкими узами... правительство сквозь пальцы смотрело на обогащение с помощью взяток и обмана казны. Оно знало, что если чиновники-взяточники и обманывают, и разоряют казну, то, с другой стороны, в политическом отношении они всегда являются наиболее угодливым элементом» [14, с. 54]. Хотя взяточник в моральном отношении и гнилая, но все-таки какая ни есть подпорка режиму. Это пронизательно почувствовал уже Салтыков-Щедрин, писавший в «Помпадурах и помпадуршах»: «... что может быть покладистее, уживчивее ... хорошего, доброго взяточника... он готов ужиться с какою угодно внутренней политикой, уверовать в какого угодно Бога». Панцирь политической благонадежности защищал рыцарей взятки не только от слишком суровых кар и заставлял снисходительно смотреть на их лихоимство, но даже подчас покрывать и скрывать их неблагоприятные поступки. Выразительный случай на сей предмет приводит известный журналист А. А. Столыпин (младший брат и идейный сторонник премьера-реформатора П. А. Столыпина). Случай имел место в эпоху массовых сенатских ревизий разных департаментов и громких разоблачений злоупотреблений чиновничества. Он описал на страницах «Нового времени» (1908. 26 апр.) пример такого разоблачения: пойманные за руку чиновники взяточники одного из учреждений с целью переключения внимания подняли чрезвычайный и «патриотический шум» около своего сослуживца, обвиняя его в принадлежности к социал-демократам. И внимание ревизии и начальства с патриотических взяточников было отвлечено на чиновника, хотя и не берущего взятки, но зато подозреваемого в более серьезном проступке — в неблагонадежности.

II.2. Законодательство многих стран часто туманно и запутано для обывателя; это обстоятельство выпячивает на передний план социальную роль его толкователя, эксперта, т.е. чиновника. К тому же существует повсеместно общая закономерность отставания сложившихся и статичных законодательных норм-инструкций-правил от вечно изменяющейся жизни, которая иногда совсем уже не вмещается в устаревшие формы. Складывается явление, которое в начале 20-х годов американский социолог В. Огборн назвал «культурным отставанием», а у нас об этом явлении несинхронного развития и проблемах, возникающих на этой почве, еще раньше писали П. Струве и М. Туган-Барановский. Конечно, рано или поздно пересмотр устаревших норм совершится, но это процесс чрезвычайно медленный. Преодолеть отставание можно расширительным перетолкованием законодательных норм и этим дать простор свободному росту новых жизненных сил. Такова практика многих цивилизованных стран, но особенностью России было то, что истолкование у нас шло «не в расширительном, а, наоборот, в ограничительном смысле, и жизнь застаивалась в старых, тесных нормах» [14, с. 55]. И вот тут на помощь сторонникам нового приходит, как ни парадоксально, взятка, с помощью которой удастся чуть-чуть расширить свободу действий, прежде всего в экономической области. Через

корыстную поддержку открывались новые фабрики и рудники, строились железные дороги, модернизировался флот (военный и гражданский). Вероятно, эту функцию нашей взятки имел ввиду бывший мэр Москвы Г. Попов, когда смиренно признался, что предпринимателям придется давать взятки чиновникам для пользы «дела». «При "строгом", "неукоснительном" применении существующих у нас архаических законов, регулирующих хозяйственную жизнь страны, — отмечал Берлин, — чиновники могли бы эту жизнь совершенно затормозить, оставаясь на почве законности» [28, с. 55]. А тут вместо многомесячных «законных» мучений — относительно быстрое «незаконное» решение вопроса. Народ афористически обобщил эту зависимость: «Не подмажешь — не поедешь!». Любой русский промышленник и общественный деятель мог привести сотни примеров, показывающих, как взятка выступала толкачом экономического, научно-технического и даже шире — общественного прогресса в обход устаревших законов. «В стране с отсталым политическим строем, с отсталым законодательством взятка, — заключает Берлин, — сплошь и рядом выступала в "конституционную" роли» [14, с. 56]. Конечно, взятка развращает нравственно и политически не только берущих, но и дающих, ибо протолкнув «прогрессивное» дело через взятку дающий ее человек перестает уважать закон и может в следующий раз обратиться к взятке при делах сомнительной прогрессивности и подчас в акциях, антизаконных по сути, а не по форме. Что и имело место неоднократно, так что «неконституционное» значение взятки явно бы перевесило ее «конституционную» роль, если бы кто-либо попытался их сравнить. П. Миллюков приводит мнение о Первой Государственной думе ее члена и своего учителя В. О. Ключевского, «самого талантливой и вдумчивой из русских историков», писавшего в частном письме к А. Кони о том, что его поразили два факта, которых он никак не ожидал встретить в ближайшей общественной жизни нашего народа: «Это — быстрота, с какой сложился в народе взгляд на Думу как самый надежный орган законодательной власти» и то, что «существование Думы — это самая меньшая цена, которой может быть достигнуто бескровное успокоение страны», заливаемой революционной волной [26, с. 269]. Но верховная власть разогнала Думу и Ключевский сделал свой пророческий вывод о прекращении романовской династии: «Николай II будет последним царем; Алексей царствовать не будет». Роспуски последующих Дум и провал многих проектов, в них обсуждавшихся, в том числе по реформированию российского чиновничества, — только усугубляли дело развала всей машины государственной власти. Трудно было поверить тогда, вспоминая позднее Миллюков, в правильность провидения нашего знаменитого знатока отечественной истории. «А так оно и получилось, всего спустя 11–12 лет после описанных событий» [26, с. 120]. В стране, управление которой было построено в течение многих веков на принципах централизации, возобладали разрушительные тенденции децентрализации (и это-то в условиях войны!) в лице «самочинных организаций», т.е. всевозможных «общественных комитетов», «советов» и т.п. Сплошная вертикальная линия власти превратилась в пунктирную и вскоре вообще стерлась. Началась эпоха «революционного правотворчества», власть на местах вообще исчезла, партийные организации приобрели могущественное средство пропаганды самочинных действий [26, с. 579–480]. Распад чиновничества как социальной группы агентов власти напоминал процесс самоликви-

дации другой части государственного института — российской армии. Дезорганизация государственной жизни и как ее следствие — анархия и гражданская война встали на повестку дня России.

С начала 20-х годов ряд специалистов (П. Маслов, В. Штейн, С. Солнцев и другие), которые как научные работники сложились еще до революции, начинают писать о быстро растущем «советском» бюрократизме. Призывают изучать его с помощью теории господства М. Вебера и теории бюрократизма К. Маркса. Обнаружилось, что аппарат любого государства «мобилизационного» типа широко внедрял в свой состав старых дореволюционных служащих с их традициями, привычками и навыками управленческой работы. Это подтвердили и анкетные исследования и перепись служащих в Москве и Петрограде, охватившая сотни тысяч чиновников. Но проводились эти массовые исследования не с научной, а с чисто административной целью. С конца 20-х годов социология чиновничества на долгие годы исчезла с нашего научного горизонта, хотя редкий съезд ВКПб-КПСС не заклинал бороться с бюрократизмом и его пороками. Но как «бороться», не изучая то, с чем призывали бороться? И потом, может быть надо было бороться не с бюрократией, а «за бюрократию», только как функциональную машину управления? На анекдотичность подобной ситуации никто не обращал внимания. Тема была прочно табуирована для объективного научного исследования и открыта только для очередного фельетонного разоблачения чиновников мелкого и среднего пошиба. Именно «Крокодил» долгое время выступал у нас своеобразным «социологическим» журналом, рассказывающим о многих изнанках жизни, о которых «серьезная» печать предпочитала молчать. Во всяком случае его публикации подтверждали наблюдения граждан над повседневной жизнью: взятка покинула административную среду и распозлзлась по другим социальным институтам — системам здравоохранения, образования, торговли и т.п. После перестройки научная ситуация стала медленно меняться, и смеем надеяться на воскресение у нас социологии чиновничества, благо за последнее десятилетие эта социальная группа значительно выросла, как и фантастически выросли масштабы ее коррумпированности и взяточничества, если верить публикациям массовой печати.

Литература

1. Карнович Е. Русские чиновники в былое и настоящее время // *Спутник Чиновника*. 1911. № 1–12.
2. Оболюновский А. В. На службе государевой: К истории российского чиновничества // *Общественные науки и современность*. 1997. № 5; Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. СПб.: «Альфа», 1997.
3. Рубакин Н. А. К статистике русского чиновничества // *Спутник Чиновника*. 1912. № 3, 4.
4. Бенедиктов Н. Жилищная нужда чиновников // *Спутник Чиновника*. 1911. № 4.
5. Агюлам Е. И. Регулярный отдых // *Спутник Чиновника*. 1914. № 1.
6. Печать о новом пенсионном уставе // *Спутник Чиновника*. 1914. № 4.
7. Ф-ко А. Вопрос, требующий разрешения // *Спутник Чиновника*. 1911. № 1.
8. Градовский А. Д. Начала русского государственного права // *Собр. соч.*: В 9 т. Т. 9. СПб.: Тип. М. М. Стасюкевича, 1904.
9. Катаев И. М. Дореформенная бюрократия: По запискам, мемуарам и литературе. СПб.: Типография «Энергия», 1914.
10. Рубакин Н. А. Много ли в России чиновников? // *Вестник Европы*. 1910. № 1.

11. Блинов Ив. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб.: Типография К. Л. Пентковского. 1905.
12. Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1899. № 8.
13. А-ъ. Напрасные надежды // Спутник Чиновника. 1913. № 22.
14. Берлин П. Русское взяточничество как социально-историческое явление // Современный мир. 1910. № 8.
15. Иконников В. С. Граф Мордвинов. СПб.: Тип. В. Безобразов и К°, 1873.
16. Берендс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913.
17. Л-в С. А. По поводу письма «Старого чиновника» // Спутник Чиновника. 1911. № 5.
18. Обязательная молодость // Спутник Чиновника. 1914. № 85–12.
19. Гардин А. Чиновник и общество // Спутник Чиновника. 1912. № 4.
20. Ф-ко А. Что нам нужно // Спутник Чиновника 1911. № 2.
21. Очерки психологии чиновника // Спутник Чиновника. 1912. № 11.
22. Положение губернаторское // Спутник Чиновника. 1913. № 19.
23. Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских странах. Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1976.
24. Карнович Е. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1885.
25. Милютин Д. А. Дневник. М.: Изд-во библиотеки имени В. И. Ленина. Отдел рукописей. Т. 1. 1947; Т. 2. 1949.
26. Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Изд-во полит. лит., 1991.
27. Коркунов Н. Русское государственное право. Т. 1. СПб.: Кн. маг. А.Ф. Цинзерлинга, 1892.
28. Рубакин Н. А. Россия в цифрах. СПб.: Изд-во «Вестник знания», 1912.